

ВЕРА КОЛОЧКОВА

НЕМНОГО ЛЮБВИ
ДЛЯ БЕДНОЙ ЛИЗЫ

Вера Александровна Колочкова

Немного любви для бедной Лизы

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21232471
Немного любви для бедной Лизы: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-91326-8*

Аннотация

Как-то, гуляя ночью с собакой, юная Лиза познакомилась с мужчиной, который после нескольких коротких встреч предложил ей выйти за него замуж. И Лиза, недолго думая, согласилась. Она мечтала сбежать из родного дома! Она чувствовала себя чужой в семье – старшая сестра ее ненавидела, мать, погруженная в многолетнюю депрессию, никогда не жалела, не защищала... В общем, бегство с первым же человеком, предложившим взять ее под свое крыло, показалось Лизе спасением. И она вышла замуж. Родила дочку и стала называть мужа только так: любимый. Но любила ли она? Любил ли Лизу ее муж? Ответы на эти вопросы пришли лишь через четыре года, когда дочка чуть подросла, а семейной идиллии в одночасье пришел конец.

Вера Колочкова

Немного любви для бедной Лизы

© Колочкова В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Все твои «беды» как летний снег: вот он есть,
миг – и нет ничего, просто показалось... Не надо
только все время тыкаться носом в прошлое или
мечтать о том, каким могло бы стать будущее
Макс Фрай. Путешествие в Кеттари*

Бедняга Фрам дернулся во сне, заскулил тихо. Лиза оторвалась от книжки, глянула на него с тревогой – ну что, что для тебя еще сделать, дружок? За ухом почесать? Выдать шепотом волну жалостливой белиберды? Говорят, собаки эту волну даже во сне воспринимают... Особенно, когда болеют.

Опять заскулил... Жалко. Прислушаешься – ни дать ни взять человеческие страдания, когтями по сердцу скребут. Или страдания для всех бывают одинаковые? Все равно им, какое тело терзать?

Ага, вот ушами пошевелил, глаза тоскливые приоткрыл.

Моргнул, чуть приподнял голову.

– Я здесь, Фрам... Я здесь, я никуда не ушла. Сижу вот, книжку читаю... Совершенно новая книжка Макса Фрая, представляешь? Мне Юкка дала... Ей мама книжки покупает, а она не читает, глупая. Вот, мне спавила. Юкка вообще-то классная... Да ты ее знаешь, что я тебе рассказываю! Тебе ведь немного лучше, правда, Фрам? Ты долго спал...

Она привыкла разговаривать с ним, как с человеком. И не важно, что Фрам отвечать не умел. И не надо. Можно и монологами общаться, если приспичит. И вполне себе конструктивно...

Была, была для нее в этих монологах своя эгоистическая цель. Хотелось удостовериться, что в сложившихся обстоятельствах она способна на нормальные эмоции – добродушные, смешливые, жалостные, радостные. Человеческие, одним словом. А как иначе? Когда все время приходится оборону держать...

Фрам наклонил голову набок, вывалил язык, силясь то ли прислушаться, то ли улыбнуться. Да, его улыбку она тоже себе придумала – ничего себе улыбочка получилась, оскал на всю пасть! В конце концов, должен же кто-то ей улыбаться в этом доме!

– Тебе бы сейчас теплого молочка попить, Фрамушка, я понимаю... Но подожди немного. Сейчас Наташка из кухни к себе в комнату свалит, я схожу и принесу. В нашем с мамой холодильнике есть молоко... Что? Ты думаешь, мама не раз-

решил взять для тебя молока? Нет, не волнуйся, она ничего не скажет... Ей все равно. Хотя ты прав, пожалуй. Было бы лучше, если бы она тоже в свою комнату ушла. Подождем, Фрамушка, ладно? Подождем...

Пес покорно положил голову на передние лапы, замер. Все понял, все услышал. Умница. Вернее, умник, – Фрам же все-таки мальчик! Хотя по возрасту наверняка дедушка... Нет, нет, пусть он будет мальчиком. С мальчиком разговаривать веселее. Чего ж она будет – с бабушкой так фамильярничать? Нехорошо.

Прислушалась... Ага, из кухни слышен-таки Наташкин голос. Противный, высокий, с паузами-всплесками агрессивного хихиканья. Это она для мужа старается – изображает позитив семейной жизни. А маминого голоса не слышно... Хотя не факт, что мама в свою комнату ушла. Может, просто помалкивает, как обычно. И лицо у нее при этом угрюмо-вежливое, если можно так выразиться, то есть взять и соединить угрюмость и вежливость воедино. Казалось бы, нельзя соединить, но у мамы получается.

Да, все-таки странная сложилась у них в квартире психопедагогика. Вроде и присутствует семья какая-никакая, на первый взгляд самая что ни на есть обыкновенная – мать и две дочери, старшая и младшая. Дочери тоже обыкновенные, меж собою родные сестры. Старшая замужем, младшая только-только школу закончила, на пороге жизни стоит, если выразиться высоким штилем. А еще в таких случаях говорят

– все пути для нее открыты, потому как надежный тыл есть – и мать есть, и старшая сестра. Сказочная ситуация, вполне благополучная, правда? Вышагивай, мол, юное создание по этим открытым путям, не хочу! Но это опять же только на первый взгляд неискушенный деталями и подробностями. Потому что, если вникать в детали и подробности, то никакой семьи тут и рядом не стояло. А вот коммуналкой явно пахнет! А что? Все признаки налицо... На кухне, например, два холодильника в ряд стоят – один Наташкин, другой их с мамой. И вся вечерняя жизнь вокруг холодильников да старой газовой плиты крутится. С вечера на кухне потусовались – и все, брейк! Быстро разбежались по своим комнатам, и чтоб ни гу-гу до утра! И утро тоже начинается с одинаково коммунального, произнесенного сквозь зубы – «здрась...». И это еще повезло, что квартира у них трехкомнатная, всем отдельно взятых территорий хватило, иначе бог знает, как пришлось бы устраиваться!

А вообще... Чего она опять разнюнилась жалостливым сарказмом? Ну да, коммуналка, и что? И всегда была коммуналка, сколько она себя помнит. Если не по форме, то по содержанию. Хотя в детстве и ей перепало немного из остатков уютной семейственности – в одной комнате была мамина спальня, в другой – Наташкина комната, а третья официально числилась гостиной. Вот там, в гостиной, и прошло ее детство. Спала на диване, играла на ковре, потом в углу, за ширмочкой, ее школьный стол притулился. И мама с Наташ-

кой входили в гостиную всегда с одним и тем же вопросом – ну, что ты тут?!

Странный вопрос, конечно. Ну как, как на него можно ответить вразумительно? Да, вот она я! Тут я! Съежилась под вашей досадливой интонацией, нахохлилась, накукожилась, но сдаваться не собираюсь! Фиг вам, понятно? Хотя и держусь из последних сил... Думаете, легко ребенку выжить в мамином угрюмом усталом равнодушии? Или в Наташкином злом раздражении, когда к вопросу еще и подстрочник фоном звучит – мол, что ты тут... навязалась на нашу голову?

Потом, когда Наташка замуж вышла, пришлось передислокацию произвести. Наташка с Толиком заняли большую гостиную, сразу замок в дверь врезали, а она со своим школьным столом, креслом-качалкой и старым диваном переехала в бывшую Наташкину комнату. Да, еще с компьютером, который бабушка купила! Допотопный компьютер – все, что осталось от бабушки... На свои «похоронные» накопления тогда бабушка покусилась, можно сказать, подвиг для внучки совершила. А после того, как бабушку похоронили, больше никто для нее подобных подвигов не совершал...

Бабушка, бабушка! Ой, лучше не вспоминать... Луч света в темном царстве, вот кто ты для меня была, бабушка! Если бы не ты, разве были бы у меня силы на эту стойкость, пусть нахохленную и скукоженную? Разве могла моя душа поднять флаги с начертанным на них девизом – «фиг вам»?

Нет, конечно. Давно бы уж Наташка меня маслом по хлебу размазала и съела бы, утробно мурлыкая. Такая уж она по натуре уродилась – нюхом чует, кого бы съесть.

Вот и мужа своего Толика давно проглотила. Хотя, наверное, Наташке усилий особых не понадобилось – Толик и без того был размазней. Вялое существо в классических трениках. Рыхлое белое пузо, характерная лысинка, бледная и слегка влажная, как молодая картофелина. И обязательно вежливая улыбочка – здрасте, Лиза... До свидания, Лиза... А ваша собачка натоптала с улицы в коридоре, надо бы за ней подтереть... И где его Наташка откопала, интересно? Наверное, прямо на улице высмотрела жадным орлиным взором. Потом собралась, сконцентрировалась и хватъ – утащила в свою берлогу... А как иначе? Как мужа себе добывать, если у природы милостей все равно не выпросишь?

Матушка-природа, если честно, на Наташке сильно отдохнула. Палец о палец не ударила, на всю катушку расслабилась. Иногда, глядя на старшую сестру, Лиза ловила себя на препаскуднейших злорадных мыслишках – вот если бы у меня, к примеру, были такие слоновьи ноги... Или вот это место, которое должно называться талией... Или лицо, стекающее к подбородку зрелой грушей... Да я бы...

Слава богу, злорадные мыслишки таяли, не успев расцвести и оформиться во что-то более злобно определенное. Вернее, она сама им воли не давала. Еще чего... Сказано – фиг вам, значит, фиг вам.

В общем, свое отношение к Наташке она худо-бедно определила, научившись вовремя вставать в защитную стойку. А вот с мамой... С мамой было сложнее, да. Тут на препаскуднейших злорадных мыслишках и на борьбе с ними не выедешь. Мама – это другое... Мама – это детская обида и боль. Наверное, если спросить любого ребенка, что есть такое – мамино равнодушие и пустота в глазах, когда она смотрит на тебя и не видит тебя, а видит что-то другое, свое, внутренне горестное... Ребенок ничего и не ответит, а просто заплачет. Но ей, Лизе, даже плакать нельзя было. Нельзя было обозначать свое присутствие, потому что своим присутствием она очень мешала маме плавать в этом ее внутреннем горестном...

Нет, были причины, конечно же, и у маминого внутреннего горестного. И Лиза об этих причинах прекрасно знала. Впрочем, причина была одна, и называлась она – папа. Бросивший маму папа.

Лиза его плохо помнила. То есть как полноценного папу – совсем не помнила. Он ушел, когда ей было пять лет. А Наташке – пятнадцать. Начала его помнить с тех моментов, когда он стал приходить за ней по воскресеньям. Помнила мамину нервную суматоху, ее слезы, ее дрожащие пальцы, завязывающие розовые банты в жалких Лизиных косичках, потом папин звонок в дверь... А потом был длинный и нудный день, молчаливое гуляние в парке, кафе-мороженое, дурацкие вопросы ради самих вопросов и папины ужасно ви-

новатые, ужасно усталые глаза. И, как нелепое к ним приложение, бодренькая улыбка на прощание. Улыбка человека, выполнившего свой долг. И свободного, наконец. А ее ждала впереди мамина истерика...

– Лиза, что? Что, что он тебе говорил? Отвечай! Ты что, язык проглотила?

– Да ничего...

– О чем спрашивал?

– Мам, я не помню...

– Как, как ты можешь не помнить? Ведь о чем-то вы говорили? Он рассказывал тебе о другой тетеньке, да? О том, какая она красивая, добрая и хорошая? Или о том, что у тебя скоро родится брат или сестра? – спрашивала мама.

– Какие брат и сестра? Где? У кого? – тарасила она на мать испуганные глаза.

– Ты... Ты глупая, Лиза, или ты притворяешься? Ты специально, да? Ты хочешь, чтобы мама опять всю ночь плакала?

– Нет... Нет, я не хочу, мам...

– Все, хватит! Уйди с моих глаз долой! Видеть тебя не могу! Не могу... Не могу... Не могу-у-у...

Мама быстро шла в спальню, унося с собой истерическое рыдание. Хотя поначалу Лизе казалось, что это никакое не рыдание, а просто маме воздуху не хватает и она вдыхает его с жадностью, до икоты, и там, в спальне, откроет настежь окно и продышится, и... И вернется в гостиную, и будет вино-

вато улыбаться... Ведь она, Лиза, ни в чем, по сути, не виновата, ни капельки! Мама же сама все утро ей на голове дурацкие розовые банты вязала, сама на прогулку с папой отправила... И на нее же теперь сердится! Ведь не должно так быть... Она сейчас одумается и вернется...

Но мама не возвращалась. Поначалу из-за двери спальни слышались ее рыдания, потом наступала тревожная тишина, потом тишину прорывало хрипкое тоскливое завывание, все нарастающее по высоте, по силе неистового звучания, и хотелось убежать от него подальше, спрятаться, сжаться в комочек, заткнуть уши...

– Слышишь, Лизка? Опять мама с катушек съехала... – заглядывала в гостиную Наташка, на ходу жуя бутерброд с маслом. Она все время что-то жевала и потому слова проговаривала невнятно, утирая тыльной стороной ладони губы и подбородок. – Теперь до утра с ума сходить будет... А все из-за тебя, Лизка, из-за тебя.

– Из-за меня?! Почему, Наташа? – спрашивала она осевшим от ужаса голосом и прижимала кулачки ко рту. – Почему – из-за меня? Я же ничего плохого не сделала... Я маму всегда слушаю, не капризничаю, я даже мороженого давно не просила...

– Да при чем тут мороженое, дурочка!

– Тогда почему?

– Да потому... Ты же с папой сегодня ходила гулять?

– Ну да... Но мама же сама сказала – собирайся, за тобой

папа придет.

– Не надо было ходить, Лизка.

– Почему?

– Не знаю... Маме бы, наверное, легче было, если бы ты заартачилась и не пошла. Я же, например, с папой никак не общаюсь... Он звонит, а я трубку бросаю. А что? Если маму бросил, значит, и меня бросил, а телефонных звонков да свиданий Христа ради мне не надо! Мама на меня ругается, а самой приятно, я же вижу... Она даже скрыть не может, как ей приятно, когда я трубку бросаю. Хотя... Кто его знает, как лучше! Я – это одно, а ты – это другое. Она ж тебя специально для этого и рожала, чтобы папа нас не бросал.

– Специально? А как это, Наташ?

– Ну, как бы тебе объяснить, глупая... Конечно, ты малявка еще, не поймешь... В общем, у нашего папы другая семья на стороне была. Тоже как бы женщина, но не законная жена. Понимаешь?

– Ну... Да...

– Ой, да ни черта ты не понимаешь! Мама папу очень любила, а сейчас еще больше любит, в этом все дело. И она не хотела, чтобы папа уходил... И потому тебя придумала. То есть ей пришлось тебя срочно рожать. И все равно не помогло! Та тетка, которая не жена, никуда ж не делась... Подумаешь, подождала еще пять лет... А мама, выходит, и без мужа осталась, и с лишним ребенком на руках. Куда теперь тебя девать прикажешь? Можно, конечно, папе отдать, но мама

не отдаст – назло... А ты говоришь – ни в чем не виновата! Виновата, Лизка, еще как виновата! Ну, чего сидишь, глаза вылупила? Ой, да ну тебя... Пойду, еще хлеба с маслом поем... Это у меня от стресса такой жор открылся, наверное...

Наташка ушла, а Лиза сидела, боясь дышать, прислушивалась к новому ощущению, которое поселилось внутри. Оно было ужасно – ощущение собственного досадного присутствия-недоразумения. Почему-то очень хотелось сползти на пол, закатиться под диван и лежать там тихо-тихо, закрыв глаза и свернувшись клубочком. И даже уснуть... И чтоб не просыпаться никогда.

Правда, потом наваждение ушло. Лиза сглотнула слезы, сжала зубы, прищурила глаза – неправду Наташка говорит! Врет, все врёт! Она всегда врёт... Зачем, зачем она ей это рассказала? Да еще и с таким удовольствием? С таким же удовольствием, как жевала свой бутерброд...

Лиза содрогнулась – фу, чего это вдруг вспомнилось! Мало ли, что там было, в раннем детстве. Если ничего хорошего не было, зачем туда памятью возвращаться?

Приподнявшись в кресле, она снова прислушалась – да что ж такое, когда Наташка сегодня уgomонится, наконец? Шла бы скорее в свою комнату, весь вечер на кухне толчется! Или наплевать? Пойти, что ли, Фраму молока погреть? Но ведь привяжется опять разлюбезная сеструха... Судя по визгливому хохотку, она сегодня в боевом настроении. А когда Наташка в боевом настроении, лучше от нее подальше

держаться. И не от страха, а... Просто так надо. Сермяжный инстинкт самосохранения еще никто не отменял.

Да, Наташка, она такая. Она вообще умеет напасть нагло и неожиданно, с особым азартом, будто таракана тапком прихлопывает. И всматривается потом в тебя с одержимо злорадным торжеством, будто перед ней не младшая сестра, а он и есть, потенциальный тараканий трупик...

Наверное, для этого особый талант нужен. Талант, направленный на уничтожение. Поддашься – и конец тебе, как личности, и аплодисменты таланту... Да только фиг тебе, Наташка, слышишь? Фиг...

Эх, было бы куда уйти, она бы ушла. И жаль, что папа о ней не вспомнил, когда в другой город на жительство переезжал. Это она уж потом узнала, что он уехал... А с другой стороны – какие к нему претензии? Это ж мама захотела ее родить, как заложницу, а папе не особо и надо было. Заложников в счастливую жизнь не берут.

Нет, маму жалко, конечно. Видимо, она так и не смогла из себя избыть любовь к папе. Сначала плакала, истязалась горем, потом долго болела, лечилась... Но разве от любви можно вылечиться? Весь и результат лечения – полное равнодушие к жизни, постоянная депрессия. И сейчас не старая еще женщина, а выглядит как старуха. Плюс к тому вечный запах из ее комнаты – затхлой одежды и корвалола... И тяжкая угрюмость, и волосы неухоженные, и глаза пустые, уставшие. Ходит, как заведенная, по одному и тому же маршруту – из

дома на работу, с работы – домой. Цель себе поставила – до пенсии дотянуть. Хотя, с другой стороны, какая-никакая, но цель. Уже хлеб... Но ведь и достала уже с этим «дотянуть», если честно. Как притча во языцех звучит, в печенках сидит! Заглянет, к примеру, в ее комнату со своим любимым вопросом – ну, что ты тут? – и обязательно при этом добавит – ох, Лиза, Лиза, мне бы до пенсии дотянуть... Или вдруг попытаться начнет – что, мол, у тебя в школе? И, не дождавшись ответов, опять свое – мне бы до пенсии дотянуть... Даже к обычной просьбе помыть полы в коридоре может эту присказку присобачить! Вот интересно, что это за звенья такие связующие – школа, мытье полов и «дотягивание» до пенсии, а? Логика где, интересно? А потом что? На пенсии-то? Другая жизнь начнется, прекрасная и счастливая?

Даже не верится, что мама когда-то была молодая и красивая. А она была очень красивая, судя по старым фотографиям. Какая-то вся... сияющая! Может, потому, что папу любила, оттого и сияла? Но неужели так сильно любила? Что, уже и пережить нельзя? Или... это другое что-то, к любви не имеющее никакого отношения?

Да уж, вопросы, вопросы... Наверное, ей, Лизе, не понять. Да и что она может понять в свои неполные восемнадцать? Не брать же за основу жалкий школьный опыт влюбленностей и девчачьих откровений о том, чего было и не было! Да и не любила она ни с кем откровенничать... Потому, может, и близких подруг нет. И вообще, она в школе была «гордой

белой вороной, уткнувшейся носом в книжку, к тому же плохо одетой», как выразился однажды Сашка Пархоменко, остряк и отличник. Она тут же развернулась и ему в нос дала. Не хотела, само получилось. Из носа кровища текла... Хорошо, что Сашке в голову не пришло пожаловаться, вообще-то он нормальный пацан был, в отличие от других...

Да, в школе она была изгоем, белой вороной. Еще с того времени, когда Светка Ильинская, самая модная и самая блондинистая девчонка в классе, объявила ей бойкот. Не в полном смысле бойкот, конечно, а так, насмешливое отторжение. И другие девчонки с угодливым старанием подхватили:

– Новоселова, ты в этой юбке до десятого класса ходить будешь? Пока дырки не протрешь? Бедная, бедная Лиза...

– Новоселова, а эти брючки тебе мама дала поносить, ага?

– Ой, ее мама, наверное, с юности их сохранила...

– ...С нафталином вместо духов!

Лиза огрызалась поначалу, потом перестала. Делала вид, будто не слышит. Зачем тратить себя, все равно им ничего не докажешь! Столько душевных сил и слез уходит в пустоту... Лучше другим делом заняться, более спокойным и увлекательным. Чтением, например. Да, отличное занятие, увлекает и отвлекает одновременно!

Лиза так увлеклась и отвлеклась, что читать стала запоем. Поначалу все подряд поглощала, потом появились и свои вкусовые пристрастия. Так и ходила, провалившись в оче-

редное книжное «пристрастие», перекаtywала его внутри, как ароматную карамельку на языке. После школы неслась домой, чтобы поскорее ухватиться за книгу...

Девчонки в школе больше так явно не нападали, но и тональность насмешливого отторжения никуда не делась. Да и бог с ней, с тональностью. Ничего, жить можно, если привыкнуть. Зато она училась хорошо, лучше своих обидчиц. И чувствовала в душе что-то вроде злорадства, когда одна из класса получала пятерку за контрольную работу. Правда, очередную пятерку ей не простили, напали в туалете стайкой, которую возглавляла все та же Светка Ильинская. Стояла в стороне, рассматривая модный маникюр, ухмылялась. Потом подняла на нее глаза, бросила со злым сарказмом:

– Я надеюсь, Новоселова, ты не вообразила себя самой умной в классе? Чего ты выступаешь, а? Твое дело – за печкой сидеть! Таким, как ты, нельзя высовываться, надо свое место в жизни правильно понимать.

Обидные слова, конечно. Но она тоже в долгу не осталась, бросилась к Светке через месиво рук, ухватилась за тонкую ткань модной блузки, рванула... Светка сначала замерла в ужасе, потом завопила:

– Ты что наделала, идиотка? Ты знаешь, сколько эта вещь стоит? Да твоей матери тремя зарплатами не рассчитаться!

Потом Ирина Сергеевна, их классный руководитель, вызвала маму в школу. А чего ее вызывать? Да хоть в рупор кричи, хоть по радио объявляй, все равно бесполезно. Ли-

цом сморщится, пальцы к вискам прижмет, потом с раздражением отмахнется... Отстань от меня, мол...

Ирина Сергеевна не отступилась, пришла к Лизе домой, как та гора к Магомету. И сразу потребовала маму – поговорить. Проходя мимо приоткрытой двери маминой комнаты, Лиза слышала обрывки того разговора. Шла из своей комнаты на кухню, услышала одно:

– ...Девочка очень замкнутая, ни с кем в классе не дружит... Мне бы хотелось понять причины такой асоциальности...

А когда шла из кухни обратно в комнату, услышала другое:

– Да, девочки в классе одеваются очень модно, у них это составляющая особенного соревнования, что ли... Такая сложилась парадигма школьных взаимоотношений, ее приказом не отменишь. Но ведь есть же выход... Есть, например, вполне демократичные магазины, где продается модная подростковая одежда. У меня у самой дочь, и я как-то выхожу из положения, хотя зарплатой тоже похвастаться не могу... А что делать прикажете? Такая нынче жизнь...

Потом, когда Ирина Сергеевна ушла, мама заглянула к Лизе в комнату, встала в дверях, плотно сомкнув руки под грудью:

– Что это такое, Лиза, а? Почему я должна все это безобразие выслушивать? Мне и без того плохо, ты еще тут!..

И ушла, изо всех сил саданув дверью. Лиза вздрогнула от

неожиданности и с трудом смогла сдержать слезы. Но она не заплакала. Нет, слезы она наружу не пустила – еще чего. Слава богу, научилась этому нехитрому упражнению. Да и лекарство успокоительное всегда под рукой – книжка. Уткнулась в нее и забылась...

А чего не уткнуться, если там намного интереснее, чем в жизни? В того же Макса Фрая... Она так полюбила книги Макса Фрая! Даже собаку хотела Фраем назвать... Но не решилась – нехорошо как-то. Явное неуважение к писателю. Это уж потом, позже выяснилось, что нет никакого загадочного Макса Фрая, что это писательская придумка такая! Причем женская и очень талантливая! Но все равно – жаль... Жаль было Макса, ей-богу...

Бездомный пес привязался к Лизе на улице. Сидел на краю тротуара, увидел и пошел следом. Не ныл, не скулил, мордой в ладони не тыкался, даже в глаза не смотрел. Просто сидел и ждал, когда она из школы выйдет, провожал до подъезда. А утром провожал в школу... Ну сколько можно было вот так гулять? Все равно рано или поздно пришлось бы знакомиться... Кстати, он с виду не такой уж и бездомный был, с хорошим ошейником. И не дворняга какая-нибудь, а породистая овчарка. Однажды Лиза догадалась ошейник снять, а там записка – мятый бумажный шарик, прилепленный жвачкой. Развернула... Едва разобрала детские каракули печатными буквами – «кто найдет сабаку возмите сибепажалуста мы с мамой поехали в другой город к другому па-

не он добрый...» Вот и пойми, про кого автор писал, что «он добрый»? Про собаку или про другого папу? Лучше бы имя пса написал...

Да, Фраем она постеснялась его назвать. Пришлось Фрамом. Тоже ничего... И не в имени, конечно, состояла основная проблема. Проблема была в том, как Фрама в дом протащить... Маме, конечно, все равно, а что скажет Наташка?

Но тут им с Фрамом несказанно повезло! Ой, как повезло, больше, чем известной собаке Шарикову! Потому что у Наташки в этот период происходила счастливая перемена в судьбе, способствующая временному улучшению настроения и даже некоторому Наташкиному благодухию – к ней Толик аккурат посватался. И стали Наташка с мамой что-то вроде свадьбы собирать. Гости, застолье, цветы, то да се... И Фраму удалось проникнуть в дом на волне суеты, то есть затаиться до поры до времени в Лизиной комнате. Потом Наташка опомнилась, конечно, да поздно было! Фрам успел свой коврик обжить, новое место обнюхать и мало-мальски за себя постоять. То есть нарычал на Наташку тихо, но с предупреждением. Она, хоть и тоже рычала, но отступила. Не зря ведь поговорка есть, что пакостливые все трусливые!

Резкий стук в дверь заставил Лизу вздрогнуть. Как это она не слышала шаги по коридору? Задумалась...

– Лизка, открой! Чего закрываешься все время? Что ты там делаешь, Лизка?

Пришлось открыть. Наташка вошла – лицо злующее, в гла-

зах война плещется. Понятно, сейчас наступление по всем фронтам начнется.

– Ну, что ты тут?.. Зверюга не подход еще?

– С чего бы ему подыхать? Не дожدهшься. Подумаешь, приболел немного.

– Да какое там – приболел! Что я, не вижу? Он же старый, ему по возрасту положено подыхать. Считай, у нас почти год живет, а до нас неизвестно где и сколько.

– Не сочиняй, никакой он не старый.

– Да ему не меньше десяти лет! А если на человеческий возраст перевести, уже под семьдесят.

– С чего ты взяла? У него что, на лбу возраст написан?

– А ты не командуй, поняла? Не хватало еще, чтобы прямо в квартире собака издохла! Ты не одна тут живешь, между прочим. У Толика на собачью шерсть аллергия. Убирай собаку, я сказала!

– А я тебе говорю – выйди отсюда! Это моя комната.

– Ах-х, ты... Ах-х, ты!

– Прекратите ругаться, у меня голова раскалывается... – прошелестел в дверях тихий мамин голос. И вовремя. Потому что Наташке, кроме этого «ах, ты», ответить было нечего. Комната действительно была ее, Лизина. Законная. Одна треть доли в квартире. А против закона не попрешь. Вот так-то, дорогая сестрица.

– Наташ... Ну что ты на нее все время набрасываешься? Она ж сестра тебе... Пусть делает, что хочет! Главное, не на-

до шуметь... Пожалейте меня, мне бы до пенсии дотянуть...

— А что тут у вас? — показалась в дверях лысая голова Толика. — О чем спор?

— Да я говорю, старый он, Толь... — протянула полную руку в сторону Фрама Наташка. — Подох-нет скоро, говорю...

— Не, не подохнет... — со знанием дела констатировал Толик. — Отсюда видно, что нос влажный, поживет еще. Чаю дашь, Наташ? Я селедки за ужином наелся...

— Ага, сейчас. Пойдем на кухню... Пусть она тут сидит, со своей зверюгой целуется. Ишь, как на меня смотрит... Еще и рычит, бессовестная...

— Кто рычит? Лиза?

— Да нет, зверюга...

Ушли. Лиза встала, подошла к Фраму, присела на корточки, глянула близко в глаза.

— Я тебя в обиду не дам, запомни. И не слушай их, они злые... А Наташка так вообще меня ненавидит...

Лиза и сама не заметила, как скатилась по щеке слеза, капнула Фраму на морду, пес слизнул сначала слезу, потом приуныл на передних лапах, потянулся вперед с явным намерением облобызать Лизу горячим языком. Пришлось ей отстраниться — не потому, что ей Фрамовы лобзанья не нравились, а просто жалости как таковой не хотелось. Опасная штука — жалость. Даже от собаки.

— Не надо, Фрам... Не надо меня жалеть! Знаешь, я вовсе на них не обижаюсь. Еще чего! Я вообще ни на что не обра-

щаю внимания! Я даже привыкла... Погоди, как там я читала у Макса Фрая, сейчас вспомню! А, вот... «Когда с детства знаешь только один мир, поневоле будешь думать, что все происходящее – в порядке вещей...» Да, Фрамушка, я достаточно взрослый человек, чтобы позволить себе обижаться. У меня вообще детство рано кончилось, в десять лет... А чему ты удивляешься? Да, в десять лет! Когда бабушка умерла... Разве я тебе не рассказывала?

Лиза улыбнулась, оплела колени руками, привалилась спиной к стене. Она вообще любила эту позу – неудобно суженную, могла сидеть часами, глядя в одну точку. Казалось, именно так сохраняются внутри силы...

А с бабушкой раньше было хорошо. С бабушкой было не страшно. Бабушка была каменной стеной, ее даже Наташка побаивалась. И квартира в присутствии бабушки становилась уютным жильем, а не коммуналкой. Борщом пахло, пирогами, уютом... А еще бабушка ловко на машинке строжила, все могла сшить, и платье, и брюки, и даже куртку! Какие-никакие, а обновки, потому что денег порой даже на продукты не хватало. Откуда им было взяться, если мама подолгу в больнице лежала? Маме полагалось передачи носить, лекарства покупать...

Вообще, это была не совсем больница, и название у нее было очень интеллигентное – клиника неврозов. Хотя на деле – хуже больницы. Зайдешь внутрь и сразу сбежать хочется. А мама там и на три месяца, и на четыре, а иногда и на

полгода застревала.

Вот в это время бабушка и приезжала, и устанавливала в квартире свои правильные порядки, и борщом пахло, и пирогами, и очень хорошо было! Помнится, она, Лиза, в несозначательном еще малолетстве, думала иногда грешным делом – хоть бы мама поскорее в свою клинику неврозов ушла и бабушка бы приехала... Чтобы суетилась туда-сюда по кухне, в фартуке, испачканном мукой, в платочке со смешным узелком на темени, сыпала горохом слов, будто бы с маленькой внучкой разговаривая, а на самом деле избывая наружу свой внутренний горько печальный монолог...

– Никогда, Лизка, с этой любовью не связывайся, слышишь? Беги от нее, как черт от ладана... Видишь, чего она с бабами творит, любовь-то? Как она перекрутить может, наизнанку вывернуть?

– Ладно, бабушка, я не буду любить. Я не хочу, чтобы меня перекручивало и выворачивало.

– Вот-вот... И правильно, Лизка. А то что же... Как погляжу я на свою доченьку, то бишь на мамку твою, – вроде и живая баба, а на самом деле не живая... Разве ж это нормально, Лизка? А, да что говорить, только сердце себе рвать!.. И вы с Наташкой при живой матери, как сироты... Наташка еще туда-сюда, сама себе место выгрызет, а ты как будешь, ума не приложу! Мне бы тебя к себе забрать, да куда? В деревне школа-восемилетка, да и та на ладан дышит, вот-вот закроют. Да и старая я уже, Лизка... Помру в одночасье...

«Одновременно» подкралось так больно, как молотком по голове ударило. Позвонила бабушкина деревенская соседка, оповестила маму о бабушкиной кончине, и мама засуетилась со сборами, с грустными хлопотами... Нервно засуетилась, будто через силу, будто невмочь ей было. Морщила лоб, досадливо поджимала губы, трясла пальцами перед лицом, покрикивала на нее раздраженно. Да, Лизе на тот момент уже десять лет исполнилось... А Наташке – двадцать. Наташка уже здоровая кобыла была, медучилище заканчивала. Считалось, что вполне может за младшей сестрой присмотреть, когда мама в очередной раз в клинику неврозов заляжет.

Нет, никому не пожелаешь таких «присмотров»... Ох, как Наташка упивалась властью над ней, будто пробовала ее, эту власть, на вкус под разными приправами и соусами! То муштровать примется Лизу почему зря, то насмешничает, то унижает, как злой фельдфебель, то вообще несколько дней не замечает, живет, будто одна в квартире находится. Просто смотрит мимо, и все. А когда Лиза начинала привыкать к тому, что ее будто бы нет, вдруг нападала из-за спины неожиданно:

– Почему у тебя в комнате до ночи свет горит? Ты по квитанции за электроэнергию заплатила хоть копейку? Опять сидишь за компьютером?

Тут, главное, надо было не растеряться, собраться вовремя и обязательно ответить Наташке в той же тональности:

– Мой компьютер, хочу и сижу... Не твое дело!

А что еще можно ответить? Что она пока не может заплатить по квитанции за электроэнергию? Тем более что Наташка тоже не может... В мед-училище ей даже стипендии не положено. Это ж ясно, что Наташка наехала ради наезда. Что все это цветочки, ягодки впереди.

– Не мое дело, говоришь? А чье дело? Запомни, Лизка, ты здесь – никто. И твоего здесь ничего нет. Поняла?

– Нет! Не поняла! У меня есть своя доля в квартире, законная! Одна треть!

– Ну, ты и наглая... Вроде малолетка глупая, а надо же, как все просекла. Да если б нас в опеке не заставили на тебя долю оформить, когда мы с мамой квартиру бы приватизировали... Да, есть твоя доля, спорить не буду. Но больше тебе никто и ничем не обязан! Запомни это раз и навсегда! Мне, вон, маму придется на себе тащить бог знает сколько... Еще и ты на мою голову навязалась! Мне оно надо, а? Что я вам, стожильная?

От таких разговоров было еще одно спасение – музыка. Лиза надевала на голову наушники, врубала Manowar на полную катушку и отделяла тем самым орущую Наташку от себя. Очень было смешно смотреть, как та размахивает руками, пучит глаза и брызжет слюной. Получалась не орущая Наташка, а страшно карикатурный образ Эрика Адамса, который даже во сне ему, бедному, не привидится.

О, снова топает по коридору к ее комнате... Да что ей неймется сегодня? Наушники, что ли, надеть?

Лиза не успела. Но и Наташка на сей раз вошла тихо, даже с улыбкой, что само по себе было удивительно и весьма подозрительно. Села на тахту, опасливо покосившись в сторону Фрама.

– Лиз... Я с тобой серьезно поговорить хочу. Мама на кухне обмолвилась, что ты собираешься в институт документы подавать?

– Ну да, собираюсь, в наш политехнический. А что? У меня баллы хорошие, я поступлю.

– Да это понятно, что поступишь. Я ж не о том...

– А о чем?

– Ну... Ты сама подумай, кто тебя учить будет? Мама? Ей же до пенсии всего два года осталось... А потом? Конечно, ты мне возразить можешь – сама-то, мол, когда училась, на маминой шее сидела! Но, во-первых, я на высшее образование и не замахивалась, а во-вторых... Я – это я, а ты – это ты. И я хочу, чтобы в твоей голове четко отложилось... Чтобы не было всяких там эгоистических ожиданий... Подумай об этом серьезно, ладно?

– Хорошо, Наташ, я поняла. Я пойду вечерами работать, а днем буду на учебу ходить.

– Да много ты заработаешь – вечерами... Да и кто тебе эту работу припас? Нет, Лизка, боюсь я, сядешь ты на нашу с Толиком шею...

– Не сяду, не бойся. Могу и на вечернее отделение поступить, а днем работать.

– Да я вижу, как ты торопишься работу искать... Сидишь, книжки читаешь да с псиной во-зишься. И впрямь, иди-ка ты работай! Хочешь, санитаркой в нашу больницу пристрою? Или на кухню судомойкой?

– Не надо. Я сама работу найду.

– Где? Кому ты нужна? Или думаешь, как увидят твою смазливую рожу и длинные ноги, так везде красную ковровую дорожку расстелят? Нет, дорогая, и не надейся! Одна тебе дорога – в судомойки!

– Отстань, а? Сказала же, сама найду!

– Ну-ну, поглядим... Ладно, спать пойду, поздно уже. С ума тут с вами сойдешь...

Подождав, когда стихнут в коридоре чавкающие звуки Наташкиных шлепанцев, она наклонилась к Фраму, произнесла тихо:

– Ты слышал? Да, вот такие дела, дружок... И куда бы нам с тобой пойти работать, а? Кто нам с тобой, как Наташка выразилась, эту работу припас? Ну, хотя бы курьером, что ли... А может, вообще отправимся в путешествие, как сэр Макс? Только чур, я буду сэром Максом... А из тебя получится классный сэр Шурф! Чего молчишь, а? Как тебе моя идея? Не нравится, да?

Фрам глянул на Лизу грустно, положил голову на передние лапы. Забавляйся, мол, как считаешь нужным, только не плачь. А я тебя всегда поддержу, я ж все понимаю... Мне без разницы, хоть горшком назови...

– Ну, что ж... Сэр Макс дал хороший отпор тирану, сэр Макс может спокойно дрыхнуть до утра... А ты выздоравливай, ладно? Только давай на всякий случай договоримся, дружок... Если приспичит – буди! Буди, не стесняйся. Ты же знаешь, как я люблю гулять по ночам...

* * *

Странный она сон увидела. Жалобный. Не зря говорят, что ночью нам снятся те ощущения, которые днем старательно загоняем в угол, держим в себе, как пленников. Не позволила сама себя пожалеть, да? Что ж, получай! Она, проклятая жалость, в таком странном образе выскочит, что мало не покажется. Например, в образе вполне симпатичного дядьки, в красивом дорогом костюме, с проседью на висках... Лицо породистое, глаза умные, улыбка почти голливудская. Картинка, а не дядька. И что такое, откуда? В чередѣ знакомых даже близко такого дядьки не наблюдается... А главное, приставучий такой! Идет по пятам, протягивает руки, зовет... Иди, иди ко мне, бедная моя... Бедная Лиза...

Так жалостливо зовет, собака! А самое противное, что ей нравится. И хочется идти на зов его жалости, и припасть хочется, и поплакать в жилетку. Вот уже и дошла, и слезы приготовила... А припасть-то и некуда, черт побери. Был дядька, и нет его. Вокруг один плотный туман, теплый на ощупь, но неприятный. Хочется изо всей силы замахать ру-

ками, чтоб рассеялся, но, как часто бывает во сне, даже пальцем пошевелить не можешь. И стоишь, замерев, и отдаешься собственной безнадеге, и туман все гуще опутывает... И ладно, и пусть. Подумаешь, туман. Зато в нем тепло. Хоть и не видно ничего... Да и что, собственно, так уж надо разглядывать? Пусть, пусть...

А в тумане еще и звуки присутствуют, и чье-то прерывистое дыхание слышится. И стон... Или не стон? Станные, странные звуки... Ой! Что-то лица коснулось... Ой... Ой?!

Лиза села на постели, тяжело дыша и отмахиваясь. Господи, Фрам! Напугал! Это ж он скулит и повизгивает, и прерывисто дышит, и носом в лицо тычется!

– Да проснулась я, проснулась, отстань... На улицу хочешь, что ли? Приспичило? Ладно, пойдем, раз обещала... А что сейчас, утро? Погоди, на время гляну...

Дисплей на мобильнике высветил половину третьего ночи. Если выразиться относительно собачьего нахальства более-менее прилично, получится что-то вроде – ни фиги себе.

– Ну все, не скули... – прошептала Лиза, обращаясь к Фраму. – Сейчас пойдем, я быстро оденусь. А ты давай, неси поводок. Хотя – стой, не надо... Он же в прихожей... Мы до двери на цыпочках пойдем, понял? И чтоб ни звука! Представляешь, что будет, если Наташку разбудим? То-то... Вот выйдем на улицу, там и скули, сколько влезет!

Слава богу, выбрались на улицу благополучно. Фрам тут же присел на газоне, а Лиза остановилась рядом. Хорошо,

что успела прихватить из прихожей газетку, думала она. Да, они с Фрамом культурные, они газоны не пачкают! Лишь бы потом разглядеть в темноте то самое, чем они газоны не пачкают, ловко в газетку подобрать и прогуляться к мусорному контейнеру... Та еще предстоит задача!

Через десять минут со всеми делами управились, и природа была на них не в обиде, и можно было идти досыпать с чистой совестью. Но сна, конечно же, ни в одном глазу... Тем более ночь поманила – пойдем! Смотри, как красиво, как хорошо! Небо в звездах, луна, тишина, запахи... Ветер шумит в кронах деревьев. И воздух чистый, ночной, которым никак не надышишься.

– Ну что, погуляем? – спросила Лиза у Фрама, и тот отозвался искренней собачьей радостью, с силой натянув поводок.

– Ого... Да ты, смотрю, совсем очухался, дружок! Ладно, идем, до набережной пройдемся... Я тебя спущу с поводка, но ты далеко не убегай, хорошо? Держи меня в поле зрения! А то, знаешь ли, всяко бывает... Какой-нибудь придурок подумает, что я приключений ищу...

Отпустив Фрама, Лиза пошла переулком в сторону набережной, откуда лился в ночное небо свет фонарей. Да, там всегда светло, как-никак, самый центр города. Показушный центр, фешенебельный, чистенький. И, как это случается, наверное, в каждом городе, затаились в двух шагах от центра лабиринты неухоженных переулков со старыми домами, тол-

стостенными, кряжистыми, с архитектурным размахом по давним временам отстроенными, но растерявшими былую гордость перед наступающими небоскребами-чудищами из стекла и бетона. Именно в таком старом доме она и жила... Зато в центре, ясен пень, уж этой привилегии не отнимешь!

На набережной было светло, как днем. Стилизованные под старину фонари шпарили во всю мощь, река тихо плескалась вниз, закованная в бетон. Будто жаловалась. Река небольшая, бетон мощный. Наверное, в те времена, когда набережную сооружали, она была – река... А сейчас так, одно название. Последние силы на жалкие всплески уходят.

И все равно – хорошо здесь! Такой ветер вкусный...

– ...Да, пахнет свежими листьями и травой, – сказала Лиза сама себе, потянув носом. – В июне всегда самый нежный ночной запах!

Надо же, как неожиданно громко получилось, в тишине-то, будто собственный голос прозвенел нелепым, невесть откуда взявшимся колокольцем. Да, надо избавляться от этой пугающей привычки – разговаривать с самой собой. Старушечья же привычка, ей-богу! Это одиноким старушкам позволительно самим с собой разговаривать, но она ведь не старушка! И не одинокая... Какое тут может быть одиночество, если их в квартире напихано, как селедок в бочке? Или... Или это хуже, чем одиночество?

Нет, лучше не думать... Тоже, бедная Лиза нашлась. Вот будешь думать, и накличешь себе судьбу пушкинской бед-

ной Лизы! Или того хуже – карамзинской, хотя хрен редьки не слаще! Попадешься в лапы какому-нибудь Германну или Эрасту... А что, не зря же сон увиделся с дядькой, который в туман зазвал, а сам исчез! Может, это и был один из этих?..

– А вы не боитесь гулять в такое время, девушка? Совсем одна?

Мужской голос уперся в спину, как дуло пистолета. Лиза вздрогнула, будто ее поразила молния, и, не оборачиваясь, закричала, подзывая Фрама:

– Фра-а-а-м! Фрам, ко мне! Фра-а-а-м!

Пес выскочил откуда-то сбоку, она видела краем глаза, как он мчится по газону. Хотя, конечно, это громко сказано – мчится. Скорее, кандыбает из последних сил. Все свои собачьи скоростные резервы включил, бедняга, только бы не свалился на последнем вдохе от старания!

– Девушка, остановите собаку... Вы что? Я же не разбойник и не насильник, я тоже тут... Гуляю... Остановите собаку, слышите?

Ага, испугался! Лиза развернулась всем корпусом,глянула... Да, мужчина вполне себе ничего, на разбойника-на-сильника не похож. И перепуган вполне натурально, даже успел в стойку нелепую встать, лицо локтем прикрыл.

– Остановите собаку, ну же! Я не умею драться с собаками!

– Фрам, фу! Фрам, ко мне! Сидеть! Сидеть, Фрам!

Лиза едва успела ухватить Фрама за ошейник, да так, что

пес зашелся хриплым рычанием и задрожал весь от яростного горячего напряжения, ожидая другой команды... Ах ты, умница мой, защитник!

– Сидеть, Фрам... Фу, я сказала!

– Ну все, все... – осторожно улыбнулся мужчина, на всякий случай отступая подальше от собаки. – Все вопросы сняты, дружище, прости, был не прав относительно твоей хозяйки... Я же без всякого подлого умысла, честное слово, мамой клянусь! Смотрю, девушка одна гуляет... А мне грустно, и очень поговорить хочется, все равно с кем. Ведь так бывает, правда, дружище? До зарезу хочется с кем-то поговорить...

А голос у него был хороший. Чуть ироничный голос уверенного в себе человека. И даже это дурацкое «мамой клянусь» выглядело вполне приемлемо, то есть легко вписывалось в контекст общей ироничной тональности. И одет он был просто – ветровка, джинсы, кроссовки. Просто, но дорого, потому что дороговизна тоже поневоле вписывалась в контекст. И сидела на нем вся эта простая дороговизна очень ловко, хотя и был он далеко не молод, по крайней мере, Лизе так показалось. Ну, что-то около полтинника... А может, и больше. Не умела Лиза пока в мужском возрасте разбираться. Да и вообще... Какая разница? Пусть спасибо скажет, что ей вовремя удалось Фрама перехватить... А то неизвестно, какие бы перья полетели от его модной одежды, контекста и общей ироничной тональности!

Фрам успокоился, но держался-таки в опасливой боевой

готовности. Мужчина тем временем продолжил:

– Да, с такой защитой девушке гулять не страшно, согласен... Но почему – ночью? Вам не спится, да?

– Почему же не спится? Как раз очень даже хорошо спится. Но иногда можно и ночью погулять, если приспичит. Вернее, Фраму приспичит.

– А, понятно. А я подумал, может, у вас тоже бессонница. Ну так что, побеседуете со мной, прекрасная незнакомка? Или мне с вашей чудесной собачкой продолжить разговор? Как вы его назвали? Фрам?

– Да, его зовут Фрам... Но разговаривать с ним я не советую, потому что поймет неправильно.

– Что ж, тогда вы со мной побеседуйте.

– И о чем же, интересно?

– Да так, ни о чем... О ночном ветре, о тающем времени, о луне... Или о звездах, к примеру... – Он запрокинул вверх лицо. – Я же не знаю ваших возможностей для беседы. Вдруг вам о звездах неинтересно?

– Не-а, не интересно. Я и в школе астрономию не любила.

– Ну, тогда просто прогуляйтесь со мной по набережной. Одному как-то совсем плохо.

– У вас что, депрессия?

– Нет, у меня бессонница. Это немного разные вещи. Когда бессонница, человек просто гуляет вместо сна, а когда депрессия, то он хотел бы гулять вместо сна, но даже и этого не может. Ну что, идем? Вы ведь тоже некоторым образом

гуляете? И я даже подозреваю, что вы не прочь совместить приятное с полезным, то есть побеседовать с умным человеком.

– А вы, стало быть, умный человек?

– А почему столько сарказма в голосе? Я вам дал основания?

– Хорошо, можно без сарказма... Вы считаете себя умным человеком?

– Само собой разумеется. Разве вы еще не осознали, как вам повезло?

– Не-а. Не осознала. Я редко общаюсь с умными людьми, тем более по ночам. У меня опыта нет.

Он глянул на Лизу одобрительно, улыбнулся, будто протянул руку в свой «контекст общей ироничной тональности». И она вдруг в ответ улыбнулась, чего и сама от себя не ожидала... И впрямь, чего тут особенного, с умным дядькой вдоль набережной прогуляться? Не съест же он ее... А вот разговором в такой тональности надолго насытиться можно! С кем она еще поговорит? С Наташкой? С мамой? Даже Юкка так не умеет...

– Ой... А как вас зовут? А то неловко как-то... Я – Лиза. А вы?

– Да, конечно, давайте знакомиться. Меня зовут Анатолий...

– Как?.. Анатолий?

– Ну да... А что вас так удивило?

«Черт, – подумала Лиза – и впрямь по-дурацки переспросила, с явным насмешливым разочарованием». И заспешила с объяснениями:

– Ой, извините, это я так... Просто меня случайная ассоциация с толку сбила. Дело в том, что мужа моей сестры зовут Анатолием... Толиком... Ну, имя такое, несколько нарицательное... Извините, не хотела обидеть!

– Хм... Наричательное, говорите? Надо же, никогда не задумывался. И не знал, что оно нарицательное.

– Ну как же! Всякая мужская умственно-физическая незатейливость имеет кодовое название «Толик»... Вы только не подумайте, что это я придумала! Это так вообще говорят...

– Что ж, спасибо на добром слове. Буду знать. Видите, как полезны ночные знакомства. Узнаешь о себе столько нового.

– Вы обиделись, да?

– Что вы, Лиза, ничуть...

– А отчество? Какое у вас отчество?

– А вот не скажу теперь. Вдруг оно тоже нарицательное? Да и вообще, не надо никакого отчества. Для ночной прогулки вполне хватит имен. А если вам не нравится Анатолий... Ну... Тогда я буду просто Анатоль! Как вам? Не слишком выпендрежно?

– Анатоль? – рассмеялась Лиза, подтягивая на поводке Фрама. – Ну, это вы хватили вообще-то... Это уж совсем классика получается... А фамилия у вас не Курагин, нет?

– Ну, если бы вы вдруг оказались не Лизой, а Наташей Ростовой, то...

– То что?

– А что бы мне оставалось, по-вашему, делать? Завернул бы в соболью шубу и утащил бы, и тайно венчался!

– Нет, погодите... Он ведь у Толстого того... Не успел вроде. Его вовремя остановили.

– Боже, боже! Как приятно осознавать, что твоя юная собеседница читала «Войну и мир»! Такая редкость в наше некнижное время...

– Ой, да ладно! И в ваше время, я думаю, классику не сильно читали.

– Ну, не скажите...

– Поспорим?

– А что, давайте... Кто кому будет экзамен устраивать?

– Сначала я вам, потом вы мне!

– Начинайте, я готов...

Они так увлеклись нечаянной ночной беседой, что не заметили, как подкрался рассвет. Как озолотилось небо первым лучом солнца, как заиграл бликами синих стекол небо-скреб на противоположной стороне набережной. Попавшая навстречу старуха с лохматой собачкой на поводкеглянула им в лица подозрительно, будто хотела что-то сказать, но передумала, пошла дальше. И они замолчали вдруг, будто взгляд старухи их отрезвил...

– Интересно, почему люди в старости часто заводят со-

бак? – задумчиво проговорил Анатолий.

– Да все просто... – ответила Лиза, не задумываясь. – Просто потому, что хотят любви, хотя бы собачьей... Или кошачьей, без разницы. Пусть немного, пусть хоть сто грамм.

– Не понял? А сто грамм любви – это много или мало?

– Кому как. Если сто грамм собачьей любви – это нормально, потому что ее человеческой любовью все равно не заменишь, как ни старайся.

– Как... Как вы сейчас это грустно сказали, Лиза! Если бы сами себя слышали, как грустно.

– Извините, я не хотела. Само собой получилось.

– А вы, Лиза... Вы кто вообще? Чем занимаетесь? Школьница? Студентка? Вы где-то в этих домах живете, да? – повел он рукой в сторону примыкающих к набережной переулков.

– Нет, я еще не студентка, я только-только школу закончила. А живу да, здесь... Через два переулка... В старом доме с облезлой штукатуркой. Но зато в двух шагах от центра, не на задах, а поближе к нашей империи! А вы? Вы тоже где-то недалеко живете?

– Нет, я в гостинице... Вон в той высотке...

– Это что же, в «Континентале»?!

– Да, именно там.

– Круто... Значит, вы командировочный?

– Хм... Какое вы слово странное выкопали, доисторическое. Нет, я не командировочный, я приезжий. То есть по делам приехал, филиал здесь открываю.

– Вы бизнесмен?

– Да, жизнь заставила заниматься бизнесом, что ж поделаешь. А когда-то белым и пушистым гуманитарием был, на университетской кафедре преподавал...

– А филиал открываете... чего? Свечного заводика?

Анатолий тихо и с видимым удовольствием рассмеялся, откинув назад голову. Потом произнес так же тихо:

– Ох, уж эти мне начитанные десятиклассницы, что за прелесть, ей-богу...

– Я ж вам говорю, что школу окончила. И все-таки... Чего филиал-то? Или это коммерческая тайна?

– Да нет, почему... Я открываю очередной филиал нашей компании по производству полиэтиленовых труб.

– И много у вас филиалов?

– Много. Погодите, Лиза, мы сейчас не о том говорим...

– Так вроде наговорились, утро уже. Мне домой надо идти, и вам... К вашему очередному филиалу компании. Приятно было познакомиться, Анатолий. И приятно поговорить.

– Я вас провожу, Лиза.

– Нет, не надо, спасибо.

– Ну... Тогда хоть номер телефона оставьте. Я позвоню.

– Зачем?

– А мне понравилось с вами гулять. Вы такая славная. И ужасно, ужасно забавная. И беседовать с вами – чистой воды удовольствие. Тем более у меня бессонница... Ну, я вас убедил?

– Не-а. А вдруг вы все-таки маньяк?

– Ой, я вас умоляю! Да с такой собакой вам никакой маньяк не страшен! Так дадите телефон?

– Не дам. Я без телефона вышла, а номер наизусть не помню.

– Тогда запишите мой...

– А чем записать? Ручка у вас есть?

– Нет...

– Тогда чем? Кровью?

Вроде пошутила, но ее собеседник даже не улыбнулся. И вообще, видок у него в утреннем свете оказался еще тот... Лицо усталое, бледное, глаза красные от бессонницы. И совсем на бизнесмена не похож, тем более из «Континенталья». Врет, наверное. А впрочем, какое ей дело, пусть врет! Все равно разговаривать с ним очень интересно! И что ей, жалко еще одну ночь по набережной погулять?

– Ладно, давайте мы без звонков обойдемся... А если у вас опять следующей ночью случится бессонница, приходите на набережную, и я тоже приду! Примерно в первом часу, ага?

– А не обманете, Лиза?

– Нет, зачем... Я никогда не обманываю.

– Так уж и никогда?

– Никогда!

– Что вы, Лиза... Таких людей в природе не существует, которые никогда не обманывают. Потому что жить и не обманывать просто не получается, как бы они ни хотели.

– Хм... Ладно, разовеьм эту философскую тему на следующей прогулке. О, я вам такое поведаю о прелестях честной жизни, вы плакать будете! До встречи, Анатоль! Пока-пока!

– Да, я буду ждать, Лиза...

Прежде чем свернуть за угол, она оглянулась. Новый знакомый стоял, сунув руки в карманы ветровки, смотрел ей вслед. Улыбался...

Нет, правда, хороший дядька. Человеческий. И какое же это удовольствие – просто поговорить, не вставая в защитную стойку. И не важно, с кем. Пусть хоть с приезжим случайным дядькой.

– Пойдем домой, Фрам. Скоро наш серпентарий проснет-ся, надо тихо-тихо в комнату прошмыгнуть. Ну как тебе новый знакомый? Прикольный, правда? Да ладно, не ревнуй... Я ж заценила, как ты меня защищать бросился. Идем, идем быстрее! Сейчас досыпать завалимся, ага?

* * *

«Досыпание» затянулось до позднего утра. Наверное, если б Наташка не ворвалась в комнату, они бы с Фрамом и до обеда спали.

– О! Да она до сих пор дрыхнет, оказывается! Половина одиннадцатого! Выходит, мою вчерашнюю просьбу совсем не усвоила? Да что ты за человек, а? Говоришь, говоришь, а тебе что в лоб, что по лбу! Да уйми собаку, слышь? Чего она

опять на меня рычит?

Лиза подняла голову от подушки, прохрипела сонно:

– А ты не ори с порога, она и не будет рычать...

– А ты мне будешь указывать, что надо делать, да?

– Хм... Поскольку заданный вопрос некорректен и не несет в себе никакой смысловой нагрузки, я беру на себя смелость его проигнорировать.

– Что? Что ты сказала? Это ты мне сейчас нахамила, да? Издеваешься, да? По-человечески разговаривать уже не умеешь?

– Ну, если по-человечески... Чего хотела-то?

Лиза села, откинула со лба густые волосы, потерла лицо ладонями.

– Да я что, я ничего... – вдруг сбавила агрессивный тон сестра, опасливо косясь в сторону Фрама. – Просто мы вчера договаривались, что ты работу себе искать будешь. Я заглянула, а ты спишь... Но я не потому заглянула, вообще-то, я тебя попросить хотела... Меня на работу срочно вызвали, а там бульон на плите варится. Через часок снимешь, ладно?

– Хорошо, сниму.

– А когда остынет, кастрюлю в холодильник поставишь.

– Хорошо, поставлю.

– Не забудь!

– Хорошо, не забуду.

– И насчет работы тоже начинай шевелиться!

– Хорошо, начну шевелиться.

– Осспади, ну что ты за человек... Ни уму, как говорится, ни сердцу, одна головная боль...

Наташка вышла из комнаты, хлопнув дверью. Фрам громко гавкнул ей вслед. На этом родственное общение закончилось. Надо было вставать, начинать новый день. Нет, лучше еще немного поваляться... Подождать, когда Наташка из квартиры свалит. Это еще хорошо, что ее на работу вызвали... Обычно она только после обеда во вторую смену выходит.

Дверь английским замком лязгнула... Все, можно вставать.

В коридоре воняло бульоном. Нет, из чего она его варит, из потрохов, что ли? – подумала Лиза. Из ушей, копыт и рогов? А что, вполне возможно, если учесть, как яростно в последнее время сестра увлеклась экономией. Пускай, пускай увлекается, может, и впрямь квартиру себе купит, как мечтает. Правда, придется эту квартиру продавать, чтобы Наташка забрала свою законную треть... Тогда ей точно на обязательный ипотечный взнос хватит. А они с мамой переедут в двушку где-нибудь на окраине. Но это ничего, что на окраине, это не страшно. Зато – без Наташки...

Лиза с удовольствием встала под душ и стояла долго, всем телом ощущая свободу домашнего одиночества. Никто в дверь не застучит, никто по коридору не прошлепает... Потом вспомнила – бульон! Если выкипит, потом не оправдаешься! И кофе не мешало бы сварить... И яичницу с колба-

сой сварганить.

Выйдя на кухню, она сняла с плиты кастрюлю с бульоном, брезгливо отворачивая нос — и впрямь воняет несусветно! Хотя... Может, Наташке с Толиком нравится именно такой супец, чтобы с душиком. Кому, как говорится, арбуз нравится, а кому и свиной хрящик, о вкусах не спорят. Сейчас кофейный аромат всю вонь перебьет.

О, горе, горе! Кофейная банка оказалась пуста... И у Наташки не позаимствуешь, они с Толиком кофе вообще не пьют. Что ж, придется пить чай... Так, а что есть позавтракать?

А ничего нет позавтракать. Их с мамой холодильник был девственно пуст. Правда, стояла там початая бутылка кефира, но даже глядеть на нее было невкусно, сразу желудок сводило кислой судорогой. Тем более эта бутылка уже неделю стоит, не меньше.

Лиза вздохнула, прикусила губу. Потом сделала вороватый шагжок в сторону Наташкиного холодильника, уверяя себя в том, что не она этот шагжок делает, это голод команды дает... Да и вообще... Убьет ее Наташка, что ли, если она яичницу себе сделает? Кстати, яиц много, две коробки! Плохо, что ни одной свободной ячейки в коробках нет, все яйца на месте, значит, и пропажу на Наташкину невнимательность списать не удастся. Ой нет, лучше не рисковать... Потом эти яйца таким скандалом выскочат, что проще самой снести, как курочка Ряба, чем...

О! А вот и колбаска нашлась, «Краковская»! Отрезать, что ли, пару кусочков на бутерброд? Аккуратненько... Тюнюсенько... Колбаску авось не заметит!

Лиза решилась. Уложила «Краковскую» на разделочную доску, прицелилась ножом... И вздрогнула от звонка в дверь, чуть не хватанув лезвием по пальцу. И затряслись руки, как у воровки, которую поймали с поличным, и кинулась обратно с колбасой к холодильнику, потом помчалась к двери.

Когда домчалась, сообразила, что звонит явно не Наташка – у нее же ключи есть. Но все равно припала трусливо к дверному глазку.

Господи, Юкка! Уф-ф...

– Привет! Заходи! – распахнула Лиза дверь любимой подруге.

– Привет... А ты чего такая пришибленная?

– Я не пришибленная, я испуганная. Это ты меня напугала.

– Я?!

– Ну да... Твой звонок меня застал на месте преступления, как раз в тот момент, когда я из Наташкиного холодильника колбасу тырила.

– А что ей, колбасы жалко?

– Жалко – это неправильное слово в данном контексте, Юкка. Ну в общем, долго объяснять... У нас даже холодильники принципиально отдельные, понимаешь?

– Да что ты говоришь? Ужас, как все запущено...

– А то! Да, у нас так!

– А Фрам где? Тоже колбасу тырит?

– Ой, даже вслух такое не произноси, ты что! Нет, я его в своей комнате держу, на кухню не выпускаю, не дай бог, Наташка потом унюхает! И кормлю тоже в комнате. Да он и сам все понимает...

– Живете, как в тюрьме!

– Не говори... Чаю хочешь?

– Нет, ничего не хочу, я на голодовке. Хочу быть такой же, как ты. Может, мне тоже от мамы с холодильником отделаться, а? И чтобы мой все время пустой был...

– Дурочка ты, Юкка, малолетка еще. И худеть тебе вовсе не надо, у тебя другая органика.

– Что ты тогда со мной, с дурочкой и малолеткой, дружишь?

– Да сама не знаю... Люблю, наверное. А любовь зла...

– Полюбишь и козла? Вернее, козу?

– Ладно, коза моя, пойдем на кухню, я ведь так и не позавтракала. Там и поупражняемся в остроумии.

– Пойдем.

Юкка весело зашагала по коридору, сунув ладошки в карманы коротких джинсовых шортиков. И майка у нее была короткая, хулиганская. И воронье гнездо на голове. Да, Юкка, это Юкка, что с нее возьмешь – тинейджерка!

Вообще, она была соседка с третьего этажа, Юлька Каткова. Но разве такое с первого раза выговоришь? Потому все

само собой получилось – Юкка и Юкка... И приклеилось со временем. А еще неизвестно как получилось, но Юкка стала Лизе самой близкой подругой, ближе некуда. Может, потому, что ни одной желанной серьезной дружбы у нее так и не состоялось? Может, потому, что в пику этим серьезным и несостоявшимся, Юкка не выставляла для дружбы никаких условий? Не обращала внимания на отсутствие красивой одежды, не лезла в душу, не оценивала, не требовала ежеминутного общения или признания первенства. Да и просто умела молчать. Вот и у Макса Фрая подтверждение тому есть, Лиза эту цитату наизусть запомнила... «Когда знаешь, о чем поговорить с человеком, это – признак взаимной симпатии. Когда вам есть о чем помолчать, это – начало настоящей дружбы». Да, пожалуй, так оно и есть в их случае...

– С мамой с утра поругались... – вздохнула Юкка, садясь на кухонный стул.

– А чего так?

– Да она мне сырники на завтрак сделала, а я есть отказалась. Говорю же – худею! В общем, нехорошо получилось... Мама на работу расстроенная ушла, а я хожу, как наказанная. Что делать, не знаю.

– Хочешь, скажу, что делать?

– Давай!

– Немедленно позвони Ольге Викторовне и скажи ей веселым голосом, что все сырники слопала, что не хватило и добавки хочешь. Я бы, например, так и сделала. Ну, если бы

я каким-то чудом оказалась на твоём месте, конечно.

Наверное, у нее дрогнул голос. Или жалость к себе промелькнула. Или, того хуже, зависть... По крайней мере, Юкка испуганно втянула голову в плечи, глянула исподлобья, прошептала тихо:

– Лиз, ты чего? Совсем они тебя достали, да?

– Прорвемся, Юкка. Знаешь, как в старом анекдоте – передайте Ильичу, нам и это по плечу. Не надо меня жалеть, ладно?

– Да кто ж тебя жалеет, еще чего! А твоя Наташка... Она тебе просто завидует! Вон, какая ты красивая! Худенькая, длинноногая, а волосы какие! Да если тебя приодеть...

– Хороша я, хороша, да плохо одета, – насмешливо пропела Лиза, глядя в чашку с чаем. – Никто замуж не берет девушку за это... Ой, я же совсем забыла тебе рассказать! Со мной ночью такое приключение было! Мы с Фрамом вышли гулять, и познакомилась я с одним дядькой...

– С дядькой?.. – разочарованно переспросила Юкка.

– Ну да, с дядькой, а что? Или ты думала, я на нашей набережной с принцем Гарри смогу познакомиться?

– Ну все равно, не с дядькой же... На фига тебе дядька?

– Да не нужен он мне, чего привязалась! Просто мы гуляли, разговаривали... Я не заметила, как время прошло.

– И что потом?

– Да ничего! Я домой с Фрамом пошла.

– А он?

– Он? Он тоже ничего... То есть пошел к себе в гостиницу. Позвал еще погулять следующей ночью.

– И ты пойдешь?

– Пойду... А почему нет? Он дядька умный, начитанный, с ним интересно.

– А со мной что, не интересно? Я не начитанная, да?

– Хм... Даже не знаю, как ответить, чтоб не обидеть. Ты когда последний раз за книгой сидела, а? Ольга Викторовна, бедная, тебе самые хорошие книги оптом скупает, а ты что с ними делаешь?

– Тебе отношу...

– Вот именно! Когда сама-то начнешь читать, а?

– Ой, ну ты же знаешь, что у меня интересы другие...

– Какие у тебя интересы? С утра на роликах погонять, потом на велик пересесть, потом опять на ролики? Так и день прошел, будто не было?

– Да ну тебя... Ты сейчас говоришь точь-в-точь, как моя мама.

– Ладно, не обижайся. Все равно ты моя подружка любимая дорогая, дороже некуда... И маму твою я люблю. Она у тебя замечательная.

Лиза встала, обняла Юкку за плечи, прижалась щекой к теплому затылку. От Юкки пахло домашним уходом, хорошим шампунем и еще чем-то, неуловимо приятным.

– И я тебя люблю, Лизка. Ты же знаешь. Хочешь, я с мамой поговорю, чтобы ты к нам ночевать приходила, когда

Наташка до печенок достанет? Она согласится, даже с удовольствием!

– Нет, что ты. А Фрама куда? Но все равно, спасибо. Ладно, иди, у меня еще куча дел. Надо Фрама выгулять, надо в киоск за газеткой сбегать...

– За какой газеткой?

– Да есть специальные такие газетки, с объявлениями о работе. Мне надо срочно работу искать, Юкка.

– Какую работу?

– Сама не знаю. Посмотрю для начала, кто и куда требуется.

– А институт как же? Ты ж документы в политехнический подавать собиралась!

– А институт мне только заочный светит. Или вечернее отделение, как получится. Туда документы позже сдают, успею.

– Ой, Лизка... Как же так-то... Ведь ты бы на бюджетное место могла поступить. Я маме про тебя расскажу, онастроится!

– Все, Юкка, не причитай. Давай, вали по своим делам, некогда мне.

Потом сбегала в киоск, накупила газеток, и что? Полное разочарование в поисках. Везде требовались менеджеры обязательно с высшим образованием, логисты с опытом работы и слесари и токари не моложе тридцати лет. И ни одного самого завалящего курьера даром не требовалось. И уж тем более путешественников в компанию сэру Макс и сэру

Шурфу! А еще, как назло, есть ужасно хотелось...

Презирая себя за неустойчивость к чувству голода, Лиза кликнула мамин мобильный номер. Мама, конечно же, плеснула привычным усталым раздражением:

– Ну, чего тебе? Говори быстро, мне некогда!

– У нас в холодильнике пусто, мам...

– Ну да, пусто. А ты что, сама не можешь в магазин сходить?

– Так у меня ж денег нет...

– А, ну да. Зайди ко мне в комнату, возьми в голубой шкапу. Только много не трать, надо, чтоб до зарплаты хватило.

– Хочешь, я овощей куплю, борщ сварю?

– Ну, свари... Делай, что хочешь, только не приставай ко мне, пожалуйста. До конца дня еще далеко, а у меня уже сил никаких нет. И как я до пенсии дотяну, не знаю.

– Извини, мам.

– Да ладно...

Дальше день покатился веселее. Сходила в магазин, купила продуктов, стараясь много не тратить, как просила мама. Сварила борщ, пообедала... Даже Фраму перепала мозговая косточка, и он грыз ее тихо в своем углу, нежно обнимая лапами. Казалось бы, жизнь наладилась, но с работой что делать? Где ее искать? И впрямь, что ли, придется к Наташке в больницу санитаркой устраиваться? Можно бы, но... От одного слова «больница» бросало в дрожь. Так и представля-

лось, как идет она по коридору с чужим судном, а навстречу ей – счастливо улыбающаяся Наташка. Мол, да, правильно все... Это твоя судьба, сестрица, это все, на что ты способна, другого не жди.

Фу. Не надо даже думать об этом. Надо в другую сторону мысли направить. А может... Да, чем черт не шутит, может, у ночного знакомого про работу спросить? А что? Наверняка ему в новый филиал кто-то требуется, и даже без опыта... Вдруг и ей местечко найдется? По благу?

Или неловко спрашивать? А почему, собственно, неловко? Да, надо спросить...

В шесть часов пришел Толик – Лиза узнала в прихожей его осторожные шаги. Толик всегда ходил крадучись, будто боялся кого-то разбудить. Вскоре он постучал к ней в комнату, сунулся в приоткрытую дверь:

– Добрый вечер, Лиза. Извини за беспокойство, я спросить хотел. Там супчик на плите – это наш или ваш?

– Да какая разница, Толик! Ешь, если хочешь.

– Ага, спасибо.

Ушел, оставив после себя противное ощущение жлобства. Надо же – чей супчик, наш или ваш... Ну как, как в подобных условиях жить можно? Ведь живут люди большими семьями и не опускаются до такого... И даже в малых семьях не опускаются! Наоборот. Вон, Юкка с матерью – и ссорятся, и обижаются друг на друга, но чтобы еду делить. И представить такое невозможно.

А дальше вечер покатился по установленному сценарию. Пришла Наташка, принялась ворчать на Толика, да так громко, что фрагменты семейной разборки долетали в ее комнату:

– ... Что, подождать нельзя было, когда я с работы приду и суп сварю? Договаривались же – едим только свое!

– Наташ, да я голодный пришел... Заглянул в холодильник, а там супа не было, один бульон... А от кастрюли на плите так пахло вкусно.

– И ничего, и подождал бы, не умер.

– Но Лиза сказала...

– А что, Лиза для тебя нынче большой авторитет? Она вообще здесь никто, твоя Лиза!

– Ну почему же, Наташ, моя-то? Она не моя...

– А хотелось бы, да? Что я, не вижу, как ты на нее пялишься?

Лиза поморщилась, чувствуя, как поднимается внутри раздражение. Нет, больше невозможно это слушать!

– Фрам... Пойдем гулять, а? Ты как себя чувствуешь? Силы есть?

Пес подскочил с места, завилял хвостом, преданно глядя в глаза: как скажешь, дорогая хозяйка, я для тебя на все готов.

– А после двенадцати еще раз выйдем, ладно? Помнишь, я тому дядьке обещала?

Фрам улыбнулся, соглашаясь. Лиза прислушалась к его дыханию, вздохнула тревожно. Нехорошее было дыхание,

тяжелое, прерывистое. Не успел, бедняга, оправиться после болезни, а она гоняет его туда-сюда...

Но избежать столкновения с Наташкой в этот вечер все равно не получилось. Хотя они с Фрамом пришли с прогулки в десятом часу – Наташке давно полагалось быть в своей комнате, пялиться в очередной сериал. Может, этим вечером сериал отменили? И Наташка, и Толик, и даже мама... все на кухне тусовались.

– Лиза, зайди! – выглянула в прихожую Наташка, когда она отстегивала поводок.

Вроде голос был у Наташки относительно нормальный. Вроде ничего не предвещало. Фрам потрусил в комнату, послушно исполняя команду «место», Лиза зашла на кухню, села за общий стол. Мама пила чай, Толик читал газету, Наташка перебирала гречневую крупу. Идиллия, семейная.

– Ну что, работу искала? – тихо спросила Наташка, раскатывая пухлыми пальцами по столу гречневые крупинки.

– Искала.

– Нашла что-нибудь?

– Пока нет.

– Ну, кто бы сомневался...

– Да, с работой сейчас везде трудно, – поддержал разговор Толик, не отрываясь от газеты, – вон, пишут, сокращения везде идут. Времена такие, что сделаешь. Последствия кризиса.

Наверное, не стоило ему разговор поддерживать. Лучше

бы уж молчал, честное слово. Наверное, его поддержка послужила для Наташки сигналом к нападению, как красная тряпка для быка. Не зря же она всхрипнула резко, подняла голову, напряглась... Показалось, даже загрибок встал дыбом, как у Фрама, когда он злится. И – понеслось...

– Да мне наплевать, какие сейчас времена! Я, что ли, в этих временах виновата? Или у меня они легкие? Пусть идет, ищет себе работу!

– Да где, Наташ? Она молодая девчонка, без опыта... – попытался заступиться Толик.

– Да хоть на панели, какая разница! Таким, как она, на панели самое место!

– Опомнись, Наталья, что ты говоришь... – поперхнулась чаем мама, закашлялась, махнула рукой. – Совсем с ума сошла, что ли?

– А что я такое говорю, мам? Сама разве не видишь, какая Лизка? Все равно из нее никогда порядочной женщины не получится! Вот я, к примеру, в ее возрасте...

– А ты и не была такой в ее возрасте. По крайней мере, килограммов на десять больше была. И с лица не такая, и вообще... – сказала мама.

– Ну и что с того? Зато на панель не пошла! И горжусь тем, что я порядочная! – воскликнула Наташка.

– Хм... Порядочная... Непорядочная... – слегка усмехнулся Толик, поставив локти на стол и устраивая подбородок в ковшик ладоней. – Какие странные оценки у тебя в обихо-

де, Наташ... А я по этому случаю анекдот вспомнил! Спросили как-то у армянского радио – кто такие непорядочные женщины? Армянское радио подумало и ответило – непорядочные, мол, это те, которые нравятся мужчинам. А все остальные, стало быть, порядочные. Смешно, правда?

Наталья развернулась к мужу, молча уставилась на него, словно решала задачу – пропустить его слова мимо ушей или обидеться. А если обидеться, то в какую степень возвести обиду. Видимо, перевес обиженности был в сторону наивысшей степени, потому как Толик сделал бровки домиком и, улыбнувшись, проговорил виновато:

– Ну а чего ты, в самом деле, Наташ?.. Привязалась к этой панели. Лиза что, виновата, что родилась красивой? Нехорошо, сестра все-таки...

– Она просто ей завидует, Толик, – вяло махнула рукой мама. – Этим все и объясняется. Да ты не обращай внимания...

– Это я, мам, Лизке завидую, что ли? – нехорошо улыбнувшись, выпучила Наташка глаза. – Я завидую? Да у меня, слава богу, все хорошо, у меня вон муж есть... И любит меня с моими кривыми ногами... А из этой... Из этой же и впрямь неизвестно, что получится! Нет, завидую я, скажешь тоже... Да она же специально ничего не жрет, чтобы фигура была! А я... Да если б я только захотела... Но мне зачем? Я себе в питании никогда не отказывала, еще чего!

– Да чего ты раскипятилась? Она ж ребенок еще, а ты ее

тыркаешь, как взрослую бабу! Толик-то, прав – Лизка не виновата, что такая красивая уродилась. Не понимаю, как можно родной сестре завидовать... – сказала мать.

– Мама, да хватит! Что ты заладила одно и то же! – попросила Лиза.

– А ты не кричи... И вообще, оставьте меня в покое, что вы опять при мне начали собачиться? Хотите, чтобы я загнута быстрее? Погодите, недолго ждать осталось! Ой, да ну вас... Вон, уже и сердце прихватило... Пойду, валокордина себе накапаю...

Мама поднялась из-за стола, медленно пошла из кухни, прижимая ладонь к груди. Наташка зашипела Лизе в лицо:

– Видишь? Видишь, до чего ты маму довела?

– Я довела? – искренне изумилась Лиза.

– А кто? Я что ли? Ходишь тут, вертишь своей красивой задницей... Смотри, всех перессорила! Я ведь все примечаю, все вижу, не думай! И как Толик на тебя смотрит...

На Лизином лице же отобразилось недоумение, и сестра сначала моргнула обиженно, потом скривила губы в насмешке:

– Пф-ф... Нет, вы гляньте на нее, а? Брезгливая какая! А сама что, принца ждешь, да? Или этого, как его... Уж полночь близится, а Германа все нету? Так и не будет, не жди... Ни принц, ни Герман тебе не светят. Даже и с красивой задницей никто тебя из нашей трущобы не высмотрит. Надо же, как на Толика-то вызверилась, а? Да ты пойдя, найди себе

такого Толика! А я посмотрю, что у тебя получится!

Лиза хотела ответить что-нибудь, но не смогла, сил не достало. Да, бывали такие минуты, когда Наташкин злобный посыл концентрировался до максимума и проникал внутрь, доставал-таки до самых печенок, уничтожая на корню все попытки к сопротивлению. Очень, очень было страшно в такие минуты...

Задержав дыхание, чтобы не расплакаться при Наташке, она встала, быстро ушла к себе в комнату, закрыла дверь и сползла на пол. Фрам, скуля, подполз на брюхе, ткнулся мордой в колени, в шею, в лицо.

– Не надо, не жалеяй меня, ты что! Хотя – да, пожалей немного. Спасибо тебе, собака. Я немного поплачу, ладно? Прости, никак остановиться не могу.

* * *

– ...Что с вами, Лиза?

Новый знакомый ждал ее на том же месте, где они расстались прошлой ночью. Аккуратно причесанный, свежесвыбритый, в красивой модной рубашке. Лизе даже неловко стало за свою одежонку – старые джинсы и серую безликую майку. А какой у мужчины был парфюм! Помереть не встать! Наверняка такой запах на пятьсот баксов тянет, не меньше.

Только чего он так уставился, будто через микроскоп ее лицо изучает? Может, и впрямь маньяк? Хотя чего бы ему,

маньяку, так выпендриваться?.. Не стоит овчинка выделки. Ой, а как же его по отчеству, забыла... Забыла, черт возьми! Да и не важно, в общем... Они погуляют, поговорят и разойдутся. Хотя, если честно, настроя на разговор нет. Засел Наташкин посыл где-то под ложечкой, болью болит. И даже обильными слезами не вымылся. Нет, совсем не хотелось Лизе сегодня гулять под луной. Если б не обещала, не пришла бы.

– Лиза, вы что... плакали?!

Так спросил, будто ужаснулся. Что, девушке и поплакать нельзя? Ему-то какое дело?

– Ну да, плакала... А вас это сильно смущает?

– Вы очень долго плакали, Лиза... И совсем недавно. У вас что-то случилось, да? Или с близкими?

– Нет. И со мной, и с близкими... все в порядке.

Лиза усмехнулась едва заметно, споткнувшись на этих «близких». Наверное, тем самым вызвала новую череду его любопытных вопросов:

– А с кем вы живете? С родителями?

– Я живу с мамой и сестрой. Еще с нами муж сестры живет.

– Это который Толик, мой тезка, имя нарицательное?

– Надо же, запомнили.

– У меня хорошая память, Лиза. А чем ваша мама занимается? Ну... Кто она по специальности? И папа... У вас есть отец?

– Послушайте, Анатолий... Забыла, как вас по отчеству.

– Мы договорились без отчества.

– А, да... Извините. Послушайте, Анатолий! С какой стати вы так подробно изучаете мою родословную? Вы что, жёнитья на мне собрались?

– Почему?

– Это я вас должна спросить – почему. Почему вы задаёте мне такие вопросы, и почему я должна на них отвечать? А давайте я издалека начну, ладно? От истоков моей родословной... В общем, сами мы из дворян, конечно же, ясен пень. Мелкопоместные, разорившиеся. Хотела я намеренно в Смольный институт поступать, да сестрица с матушкой меня отговорили за неимением к обучению достаточных средств. Думали, думали, куда же меня пристроить, чтобы голубую кровь недостойным занятием не разбавить и средства сыскать... Но так и не придумали... Может, мне в гувернантки податься, а? Как считаете? Или в приживалки к богатой старушке?

Анатолий расхохотался так заразительно, что у Лизы сразу настроение поднялось. Вот оно, оказывается, чем надо лечиться от Наташкиных злобных посылов! Не слезами, а смехом!

– Боже, как вы мне нравитесь, Лиза... Просто чудо, какая забавная! А в самом деле... Зачем вам идти в гувернантки и уж тем более в приживалки к богатым старушкам? Отчего бы вам не попробовать выйти за меня замуж, а?

– В каком смысле – попробовать? Вы что, меня на сеновал приглашаете, да? Вы привлекательны, мол, и я чертовски привлекателен...

– Нет, нет, Лиза, не то... Как вы могли подумать! Я вполне серьезно предлагаю вам официальный брак. Нет, а чего вы на меня так смотрите? Обыкновенная процедура, ничего особенного... Надо просто надеть красивое платье, сходить в загс и поставить подпись в бланке. Ничего сложного, уверяю вас. Там даже пальчиком тыкнуть, в какой графе надо расписаться. Да, да, ко всему надо относиться без пафоса, Лиза... Так легче жить.

– А, поняла... Это вы сейчас смеетесь, да? Ответочка на мою белиберду о дворянском происхождении? А я сразу и не поняла... Когда долго реву, соображаю потом плохо.

– Но я вовсе не шучу, Лиза... И уж простите, вижу вас насквозь. Ведь вам очень плохо живется, да? В таком случае, отчего бы не попытаться все кардинально поменять в своей жизни? Выйти за меня замуж, например?

Лиза посмотрела на Анатолия озадаченно. Фрам, почуяв состояние хозяйки, гавкнул громко, будто спрашивая – эй, что с тобой? Моя помощь нужна?

– Тихо, Фрам, тихо... погоди, Фрам...

– Да, собачке тоже в моем доме место найдется, Лиза. У меня большой дом. Вам понравится. Кстати... Можно, я перейду на «ты»? Мне так будет удобнее.

– Да, конечно...

– Ну? Что ты мне ответишь?

– А что я должна ответить? Я не знаю. Я вообще не умею в такой тональности разговаривать. Хотя один вопрос у меня есть.

– Давай свой вопрос.

– Скажите... Вы меня сейчас... Как-то пытаетесь обмануть, да? Вы мошенник? Ловец юных невинных девушек?

– Лиза, ну что вы, право... То я у вас маньяк, то мошенник. А другого, более приемлемого и порядочного, ничего для меня не найдется?

– Не знаю. Может, и нашлось бы, если бы вот так, с ходу, замуж не предложили. Согласитесь, странно звучит после нескольких часов знакомства.

– Не вижу никакой странности. С моей стороны это вполне серьезное предложение, Лиза. Я бы даже сказал, деловое.

– Деловое? Вы меня так покупаете, что ли? Надо же, а я думала, о таком только в романах пишут...

– Хм... Ну если тебе удобно в таком ключе вести разговор... Давай сделаем наоборот. Это я себя предлагаю к покупке, а ты прицениваешься.

– И какова ваша цена?

– Ой, да какая там цена, я тебя умоляю!.. Если учесть мой возраст... За рубль двадцать возьмешь?

– Я подумаю.

– Да чего тут думать, бери, дешево отдаюсь! А если серьезно, Лиза, я терпеть не могу рассуждений на эту тему, кто

почем продается и покупается. Нет в институте брака никакой купли-продажи, ерунда все это.

– А что есть?

– Есть честная сделка двух честных людей, которые совершенно определенно знают, чего им друг от друга надо. И не приведи господь никакой любви в браке, все эти досужие разговоры о любви – в пользу бедных! Обоюдной симпатии вполне достаточно. И необходимой для здоровья физиологии тоже. Без нее, без матушки, все равно не обойдешься, потому что ей без разницы – есть у тебя любовь, нет у тебя любви... Знаешь, я со своей женой тридцать счастливых лет в браке прожил... И не сказать, чтобы мы любили. Если бы любили, измучили бы друг друга страшно. А мне мучиться нельзя, у меня работы много. Да, мы хорошо жили...

– А она... Умерла, да?

– Да. На машине разбилась. Что называется, его величество трагический случай. На дорогах сейчас полно пьяных идиотов...

– А дети у вас есть?

– Нет, детей у меня нет. Если ты родишь мне ребенка, сделаешь самым счастливым человеком на свете. И я вовсе не шучу сейчас, дорогая моя Лиза. Да, я думал о тебе весь день. Ты – именно то, что мне сейчас нужно. Твоя непосредственность, твой юмор, твой интеллект. Твоя красота наконец! Ты же вся, как на ладони... Чистой слезы бриллиант без огранки. И я тебе нужен, я знаю! Ты очень одинока и несчастна,

это у тебя в глазах написано. Я думаю, ты ничего не потеряешь, расставшись со своим одиночеством... А со мной тебе будет хорошо, тепло и спокойно... Ну, чего молчишь? Я слишком тебя озадачил?

– Нет, вы меня не озадачили. Скорее, я вообще не верю в то, что сейчас происходит. Нет, не озадачили, а... Соблазнили, наверное.

– Вот уж я чего меньше всего хотел – выступить в роли соблазнителя! Звучит немного демонически, согласись.

– Вы меня не поняли, наверное...

– Да все я понял, Лиза. Просто пытаюсь шутить, разрядить как-то неловкую ситуацию. Ладно, пусть буду соблазнителем в хорошем смысле, согласен.

– Да, вы меня соблазнили... Тем, что позвали в другую жизнь, в тепло и спокойствие, потому что я действительно живу в холоде и беспокойстве. Ну, то есть не в смысле физики мне холодно, а...

– Да понял я, понял, не объясняй. Говорю же, у тебя на лбу все написано. Значит, ты согласна?

Смятение застряло комком у нее в горле, а под ложечкой снова заныло. Еще и Наташкино лицо всплыло перед глазами, ее шевелящиеся губы и глаза – злобный взгляд. Кстати, у нее глаза, в моменты, когда она злится, действительно безумные, и кажется, она и сама себя не слышит. А буйная энергия делает свое коварное дело, проникает внутрь, оседает пылью, которую потом не вытряхнешь, не выплачешь. «Так и

сама не заметишь, — думала Лиза, — в какой момент Наташкина энергия тебя уничтожит. И потому надо спастись, пока не поздно. Когда прыгаешь с тонущего корабля, шлюпку не выбираешь. Какая ближе оказалась, в ту и прыгаешь!»

Все это за секунду пронеслось у Лизы в голове, вдобавок снова увиделось Наташкино злое лицо, и захотелось трянуть головой, отогнать видение. «Нет, нет... Хватит с меня, не могу...»

— Да... Да! Я согласна! — проговорила торопливо, будто хватаясь за соломинку. — Я согласна, да!

— Ну, вот и отлично. Тогда мы так сделаем, дорогая моя Лиза. Я завтра с утра уеду на три дня по делам, а потом... А потом приду свататься.

— Куда свататься?

— Как это — куда? К тебе домой.

— А может, как-то без этого? То есть без сватовства, а?

— Нет, почему же? У тебя ведь есть мама, сестра. Нет, пусть все будет, как положено. Я ж тебя не краду, а женюсь! Говори, по какому адресу свататься приходить! Хотя нет, я тебя лучше до квартиры провожу, чтоб наверняка...

— Тогда лучше до подъезда. До квартиры не надо. Я на третьем этаже живу, первая дверь направо.

— Хорошо, как скажешь...

Около подъезда Анатолий приобнял Лизу слегка и притянул к себе. Откинул с лица волосы, глянул в глаза, произнес тихо, но твердо:

– Не бойся ничего, Лиза, все будет хорошо. Я тебе обещаю. Ну, иди. Через три дня я приеду, вечером, часам к восьми...

* * *

Никогда Лиза не переживала такого обилия сомнений и не мучилась количеством неразрешимых вопросов, как в эти три дня. Взять хотя бы главные из них, самые, казалось бы, дурацкие: что это было и с ней ли вообще это произошло? Кажется, ответы очевидны: да, она получила предложение выйти замуж от мужчины по имени Анатолий, и предложение поступило именно ей, Елизавете Новоселовой. А с другой стороны – ну не могло с ней такого случиться... С кем угодно могло, а с ней – нет.

Да, так уж вышло... Она еще никогда не влюб-лялась. И девчачьей школьной дружбы у нее не было. Парни в классе называли ее букой, занудой и белой вороной. Как объясняла Вика Круглова, соседка по парте, – слишком она, Лиза, зажатая, слишком некомпанейская... Книжек читать надо меньше, а тусоваться больше! И, если уж на то пошло, одеваться и впрямь следует приличнее, еще что-то в гардеробе иметь, кроме джинсов и мальчиковых рубашек-перемывашек!

Так Вика Круглова и говорила – перемывашек... И улыбаться при этом начинала противненько, как Светка Ильинская.

Может, ей сейчас позвонить, посоветоваться? Так, мол, и так, Вик, мне тут замуж предложили, чего делать-то? Хотя – нет, лучше не надо... Тем более у Вики своих проблем хватает, равно как и других бывших одноклассников. Хороших, кстати, проблем, приятных. Наверняка все друг с другом перезваниваются да про будущую учебу тарахтят, кто и куда документы понес. И у Лизы Вика первым делом про институт спросит. А она ей – бац! – про «замуж». Ага, смешно...

Юкке позвонить? Да что – Юкка... Малолетка несмышленная. Можно, конечно, с Юркиной мамой поговорить, с Ольгой Викторовной, но она, как назло, в командировку укатила... Да и просчитать наперед можно, что бы сказала про «замуж» Ольга Викторовна. Заахала бы, заохала: что ты, девочка, ты же совсем его не знаешь, он старше тебя, а ты так молода!.. Не объяснишь же ей про то, как дома невыносимо. И про то, что это не «замуж», а бегство.

Конечно, самой надо решать, взвесить все «за» и «против», отделить мух от котлет и кнуты от пряников. Да, можно все взвесить и все отделить, только душа сопротивляется! Но ведь и Наташкиным злым «посылам» душа сопротивляется! Чует, что у хозяйки от этих «посылов» пятки горят, бежать надо!

Ладно, что ж... Будем плясать от прагматизма и думать о котлетах с пряниками, решила Лиза. Ведь не противен же ей Анатолий, интересный по большому счету дядька.

Но ведь придется еще и в постель с ним ложиться. Госпо-

ди, да фиг с ней, с постелью! Все девушки рано или поздно туда попадают, и ничего, утром встают и дальше живут! А может, ей там вообще понравится? У других же случается такое... Если не попробуешь, и не узнаешь!

Фрам тоскливо следил, как Лиза мечется по комнате, как разговаривает сама с собой. Может, от беспокойства и заболел. В тот самый вечер, когда должен был прийти Анатолий. Завалился на бок, задышал тяжело.

– Фрам... Фрамушка... Да что с тобой? Где болит? Водички хочешь? А молочка? – спрашивала Лиза, присев на корточки.

– Поддыхает, что ли? – деловито проговорила заглянувшая в ее комнату Наташка.

– Нет, он просто заболел... Только что сидел нормально и вдруг на бок завалился... – с перепугу начала оправдываться Лиза.

– Что тут у вас? – вошел вслед за Наташкой Толик.

– Да вот, псина... – брезгливо повела головой Наташка. – Я ж говорила, скоро подохнет, так и есть... Да и то, пора уже, сколько можно в доме зверинец терпеть.

– Да замолчи ты! – воскликнула Лиза. – С чего ты взяла, что он умирает?

– И впрямь, Наташ, чего уж так сразу... Может, очухается еще... – вяло залепетал Толик. – Видишь, как девчонка переживает...

– А я что, не переживаю? – возмущенно развернулась к

мужу Наталья. – В доме насквозь псиной пропахло, гостей позвать неловко, вот о чем я переживаю!

– Да каких гостей, Наташ? К нам сроду никто не ходит. Я, пока не женился, у меня столько друзей было! А сейчас... Живем, как слепые кроты в норе.

Пока Наталья удивленно переваривала слова Толика, в комнату вошла мама, молча встала у стены, скрестила руки на груди. Как всегда, в мешковатом застиранном халате, непричесанная, с маской смиренного страдания на лице.

– Ну, чего вы опять не поделили, а? Я только легла отдохнуть... Дадите вы мне покой когда-нибудь или нет?

– Извини, мам! – подняла на нее виноватые глаза Лиза. – Просто... Фрам заболел, и... Я не знаю, что делать.

Лиза вдруг замолчала, глянув на часы. Уже половина восьмого! Может, сказать им, что сейчас... Господи, как это говорится правильно? Черт, не надо было подписываться на это дурацкое сватовство! Надо было сбежать из дому потихому, они бы и не хватились! Может, сказать маме, чтобы переоделась? Ну, или причесалась хотя бы?..

Не успела Лиза ничего сказать – в прихожей настырно тренькнул звонок. Раз. Еще раз. Еще...

– Кто это, на ночь глядя? – удивленно проговорила Наташка. – Мам, ты ждешь кого?

– Да кого мне ждать, господи... – подняла на Наташу глаза мама. – Это только к вам...

– Это ко мне! – Лиза попятилась к двери.

Домочадцы всей гурьбой прошли вслед за ней в прихожую, удивленно уставились на хорошо одетого улыбающегося господина, словно он был пришельцем с другой планеты. В одной руке у господина были цветы, в другой – вкусно пахнущий изысканными копченостями пакет, из которого выглядывали ананас и бутылка шампанского.

– Добрый вечер! – торжественно проговорил Анатолий, слегка поклонившись.

Никто не ответил на приветствие. Наверное, три застывших изваяния за спиной у Лизы решили, что человек ошибся квартирой.

– Добрый вечер... – дрожащим голосом ответила за всех Лиза, сжимая ладони и нервно оглядываясь назад. И зачем-то повторила еще раз: – Добрый вечер.

– Лиза, что-то случилось? – озадаченно произнес гость. – Я не вовремя, да?

– Нет, нет... То есть – да... У меня там, в комнате, Фраму совсем плохо.

– А что с ним?

– Я не знаю! Он вдруг на бок завалился и лапы вытянул! Он совсем дышать не может! Я не знаю, что делать, правда!

– Так подышает, ясное ж дело... – подала наконец голос Наташка, с жадным любопытством оглядывая Анатолия. – А вы, собственно, кто будете, господин хороший, можно поинтересоваться?

Лиза прижала ладони ко рту, вдохнула рывками, едва

сдерживая слезы.

– Тихо, Лиза, тихо... – шагнул к ней мужчина. – Сейчас разберемся. Где собака?

– Там, в комнате...

Анатолий, сунув на ходу цветы и пакет в руки Толику, быстро прошел за Лизой, склонился над собакой, потом произнес, тихо вздохнув:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.